

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 9, poiginalb@yandex.ru)

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО КАК ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ РОССИИ¹

Аннотация. В статье анализируется воздействие бедности и социального неравенства на процессы формирования национально-государственной идентичности и гражданской нации России – формирование чувства солидарности, сопричастности, коллективного «мы – россияне». Автор показывает возрастающие масштабы и формы проявления неравенства как в глобальном, так и российском масштабе, анализирует восприятие бедности и социального неравенства гражданами России, рассматривает позицию и возможности государства по регулированию уровня социального неравенства.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, гражданская нация, социальное неравенство, бедность, легитимность неравенства, уровень неравенства

В последнее время в российском экспертном сообществе и СМИ началась острая дискуссия по поводу предлагаемого нового закона о российской нации как гражданском (политическом) сообществе. Не вдаваясь в полемику о своевременности принятия такого закона, о потенциальных возможностях целенаправленного конструирования гражданской нации², обратим внимание на другую сторону проблемы – пафос закона направлен главным образом на регуляцию межэтнических и межконфессиональных отношений. Проблемных моментов в такого рода отношениях, действительно, много. Но не меньше их, а, по мнению некоторых специалистов, даже больше в другой сфере – сфере социального неравенства, которое стало потенциальной угрозой социального взрыва не только в России, но и в других странах мира, включая самые благополучные из них.

В самом, пожалуй, фундаментальном труде последних лет, посвященном проблеме социального неравенства, – монографии Т. Пикетти «Капитал в XX веке» содержится основополагающий вывод о том, что современное общество, включая развитые страны Европы и Америки, постепенно, но неуклонно распадается на богатых владельцев капитала и остальное население, качество жизни, материальные, культурные и политические ресурсы которого непрерывно снижаются, равно как и возможности продвижения по социальной лестнице.

Известный экономист, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц охарактеризовал формирующуюся социальную структуру общества как 1% против 99%. Согласно Т. Пикетти, нынешняя ситуация возрождающегося классового противостояния по целому ряду параметров аналогична той, которая привела к Первой мировой войне и революциям, и, если не умерить аппетиты господствующего класса, различия в обществе примут необратимую культурную форму, а затем превратятся в идеологию антропологического раскола [Piketty 2014: 493].

¹ В основу статьи положен доклад автора на 24-м Всемирном политологическом конгрессе. Познань, июль 2016 г.

² Наша точка зрения на этот счет изложена, в частности, в последнем издании «Россия в XXI веке: Политика, Экономика, Культура» (под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского). М.: Аспект-Пресс. 2016. С. 14-26.

Последнее предупреждение Т. Пикетти и побудило автора обратиться к заявленной теме и попытаться выявить, в какой степени и по каким именно направлениям современные общества уже придвинулись к той опасной черте, которую обозначил Т. Пикетти. При этом не следует игнорировать и тот факт, что в политической науке представлены и другие, полярные точки зрения на истоки и роль неравенства в жизни общества: например, что социальные различия — это та цена, которую мы платим в современном обществе за свободу [Большц 2014: 6, 23].

При всем при этом даже большинство либералов (включая цитированного автора) признают, что задача решения проблемы неравенства сегодня состоит в том, чтобы пройти между Сциллой невмешательства в этот процесс и Харибдой его государственного регулирования, учитывая при этом, что граница государственного регулирования у каждой страны своя — что экономически целесообразно и морально приемлемо для одной страны, может быть и нецелесообразно, и неприемлемо для другой. Это касается как социального неравенства в целом, так и отдельных его составляющих.

Наиболее полный перечень составляющих социального неравенства, определяющий ресурсы и жизненные шансы человека, его место в социальной структуре общества предложил Д. Грусски (2001 г.). Этот перечень включает:

- экономические ресурсы (собственность, доход, капитал);
- политические (властные) ресурсы;
- социальные ресурсы (социальные связи и сети);
- престижные ресурсы (репутация, уважение);
- человеческий ресурс (мастерство, компетенция, опыт, образование, знания);
- культурные ресурсы (определенный образ жизни, характер досуга, потребительские предпочтения) [Шкаратан 2009: 145].

Значимость каждой из названных составляющих, позволяющих оценить уровень неравенства, различна для отдельных обществ и отдельных исторических периодов. И хотя они так или иначе связаны между собой, эта связь неоднозначна и не синхронизирована во временном масштабе. Поскольку настоящий мировой финансово-экономический кризис (в отличие от Великой депрессии 20–30-х гг. прошлого столетия) пока не приобрел ярко выраженную политическую составляющую, а выступает пока прежде всего и главным образом как экономическое явление, целесообразно сосредоточиться на выявлении взаимосвязи именно экономического неравенства и национально-государственной идентичности, формирования гражданской нации.

Как уже отмечалось, исследования, проведенные в ряде как развитых, так и развивающихся стран, показывают (за отдельными исключениями) явную тенденцию к поляризации общества и вымыванию среднего класса. В условиях наступившего кризиса неравенство еще более обостряет социальные противоречия, конфликты по поводу распределения, т.к. единственным способом решения проблем становится продвижение за счет другого [Дитон 2016: 364].

Хотя некоторые авторитетные экономисты высказывают мнение, что мир начал выходить из кризисного состояния, они же отмечают, что этот процесс растянется на несколько лет и не все страны преуспеют в этом [Мау 2016].

В рамках заявленной темы важно отметить, что любое неравенство влечет за собой определенные социальные последствия: иногда, стимулируя рост общественного производства и открывая новые возможности, оно тормозит его. Если блага концентрируются в руках совсем немногих, то экономике вообще грозит коллапс (а в политической сфере это приводит к откату от демократических принципов общественного устройства). Чем больше экономическое неравенство, тем сильнее становится угроза демократии. Так, Луис Брандес отмечает,

что «в США могут существовать либо демократия, либо богатства, сконцентрированные в руках немногих, но никак и то и другое одновременно» [Дитон 2016: 243]. Рост неравенства становится вызовом национально-государственной идентичности, формированию гражданской нации, поскольку подрывает солидарность людей. Доказано, что чрезмерное неравенство, и в особенности бедность, раз возникнув, начинает самовоспроизводиться, снимая тем самым различия между неравенством возможностей и неравенством результатов, и распространяется не только на материальную сферу, но и на положение человека в обществе. Невозможность соответствовать социальным стандартам достойной жизни ведет к абсолютной депривации, и бедные еще больше отдаляются от остальных членов общества. Таким образом, о единстве, сопереживании, солидарности речь вообще не может идти.

Наибольшие трудности преодоления неравенства в связи с кризисом связаны с 3 факторами.

1. Спад производства оказывается наиболее болезненным для людей с низкими доходами, в частности потому, что система перераспределения теперь направлена большей частью не на низы социальной лестницы, а на верхи. Как отмечают авторы фундаментального труда «Есть ли будущее у капитализма?» [Валлерстайн и др. 2015: 282], государства продолжают собирать всевозможные налоги в громадных размерах, однако потоки теперь перенаправлены на привилегированные группы людей, проживающих в наиболее могущественных государствах, прежде всего на элиты, принимающие политические и финансовые решения. Результатом стала колоссальная концентрация богатства в руках тех, кто, по сути, стал современной олигархией.

Россия – не исключение. Начиная с 2014 г. в России, даже согласно официальной статистике, начался рост числа лиц, живущих за чертой бедности, а более 1/3 национального богатства страны принадлежит всего нескольким семьям (на долю 110 российских миллиардеров приходится 35% личного богатства граждан страны. (Для сравнения: в США, где миллиардеров в 4 раза больше, – 7%, в Китае – 1-2%) [Россия... 2015: 113].)

2. Рост неравенства и трудности преодоления нынешнего финансово-экономического кризиса во многом связаны со сменой технологического уклада. Одним из результатов новой технологической революции станет появление армии безработных. Здесь последствия будут сравнимы с эффектом, оказанным на производство внедрением электричества в начале XX в. Член исполнительного комитета Всемирного экономического форума Николас Дэвис в своей статье, опубликованной недавно на официальном сайте организации, прогнозирует, что в ходе 4-й индустриальной революции в США может исчезнуть 47% рабочих мест. Однако, как замечает эксперт, произойдет это не за три-четыре поколения, как в случае с предыдущими революциями, а за одно – со всеми вытекающими отсюда последствиями: ростом бедности и нищеты, особенно в развивающихся странах, не обладающих ресурсами для маневра.

3. Несмотря на то что нынешний мировой кризис, в отличие от Великой депрессии 1920–1930-х гг., не породил последствия в виде мировой войны, он, безусловно, повлиял на обострение международной обстановки и рост военных расходов, что не может не сказаться на благосостоянии граждан, прежде всего малообеспеченных, с низкой квалификацией. А это, в свою очередь, ведет к росту уровня социального неравенства.

4. Главное социальное последствие чрезмерного роста уровня неравенства: становятся несопоставимыми материальные условия и стартовые возможности отдельных групп населения страны, возможности получения образования, медицинской помощи, доступа к благам культуры. И, как следствие, утрачивается

чувство связи с другими социальными группами, государством. Каждая группа живет сама по себе, размывается важнейшее консолидирующее начало – ощущение справедливости общественного устройства. Чрезмерные разрывы уровня материального и социального положения отдельных групп населения формируют отличающиеся образы и стили жизни, которые, согласно новейшим разработкам теории социологии жизни (в трактовке ряда авторов – «социологии повседневной жизни»), являются решающим фактором консолидации групп, общин и общества в целом, формирования атмосферы доверия, соучастия и солидарности, без чего немыслимо формирование единой национально-государственной идентичности, гражданской нации [Штомпка 2014: 38-50].

Меры по решению этой проблемы, принимаемые правительствами отдельных стран, явно недостаточны. Одна из причин этого – незаинтересованность деловых кругов. Как отмечает один из самых авторитетных социологов Майкл Манн, в Америке очень трудно принять закон, направленный против недавнего удивительного роста неравенства в Соединенных Штатах, или закон, способствующий большей доступности системы здравоохранения [Манн 2014: 65].

Россия в этом отношении также не исключение, несмотря на противоположную риторику в СМИ. Один лишь факт: Россия единственная страна из «большой двадцатки» с плоской шкалой налогообложения, позволяющей богатым платить в процентном отношении такой же налог, как и бедным.

Подробнее о неравенстве и бедности в России. Создается впечатление, что для российского политического класса этой проблемы нет, во всяком случае, как проблемы отношений между социальными группами общества, обсуждаемой в публичном пространстве. Есть проблема социальных гарантий государства по отношению к гражданам. В период, когда подобного рода проблемы решались за счет перераспределения огромного потока нефтедолларов, это еще можно было как-то понять. Но не сейчас.

По мнению многих специалистов, сегодня наиболее важной проблемой социальной сферы России как раз и является продолжающийся рост социального неравенства и маргинализации значительной части населения страны, в т.ч. и из числа занятых квалифицированным интеллектуальным трудом, что угрожает национальной безопасности страны, способствует формированию предпосылок кризисных явлений в социальной, духовной и экономической сфере, предпосылок политического кризиса. Автор солидарен по этому поводу с общим выводом, сформулированным в одной из статей А. Возмителя: «...ситуация в современной России осложняется тем, что именно группы, от которых зависит сегодняшнее и будущее развитие государственного и человеческого потенциала, депривированы в нашем обществе. А это уже не просто социальное неравенство, а блокирование созидательной деятельности» [Возмитель 2016: 10]. С политической точки зрения в рамках заявленной темы особенно важно еще подчеркнуть, что значительное углубление социального неравенства во всех его проявлениях приводит к усилению позиций немногочисленной элиты во властных структурах и делает невозможным участие большинства населения в политической жизни, что явно противоречит принципам демократического устройства общества и прокладывает путь для усиления тенденции к авторитаризму. Эквивалентом избыточного социального неравенства в сфере политики становится феномен политической бедности – бедные не являются сегодня в России самостоятельным субъектом социально-политической активности, формирующим особую повестку дня [Михайленок 2015].

В результате целые группы оказываются исключенными из самой ткани политической и социальной жизни и вынуждаются к самоизоляции в замкнутых сообществах со своими «порядками взаимодействия». Это, в свою очередь, усугубляет и воспроизводит структурное неравенство [Резаев, Трегубова 2015].

С позиций политической науки необходимо анализировать не только уровень неравенства и бедности, но и их восприятие массовым сознанием. По данным исследования 2016 г. специалистов Высшей школы экономики (ВШЭ), большинство россиян относятся к бедным с сочувствием, сопереживают им, но все-таки не включают эту проблему в число приоритетных, общественно значимых проблем, поскольку основной (основными) причинами бедности большинство считает личную лень, неприспособленность к жизни, алкоголизм, наркоманию и т.п. Как отмечают специалисты ВШЭ, отношение к бедным начинает выстраиваться в современном российском обществе, исходя не из факта их бедности, а из особенностей ее причин. Тем самым из «категориального» оно превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного человека. Одновременно бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая особого отношения к ней, все дальше отодвигается на периферию сознания россиян. Это означает, что помощь бедным как особой социальной категории все больше уходит из повестки дня социально-экономической политики, актуальной для большинства населения страны. В этих условиях не удивительно, что, по мнению большинства населения, бедность не относится к числу проблем, которые они воспринимают как наиболее острые и насущные [Мареева, Тихонова 2016: 43]. И далее, преобразование социальной структуры российского общества и его трансформация из общества массовой бедности в общество массовой малообеспеченности приводят и к соответствующим изменениям запроса на приоритеты социальной политики. Задача борьбы с бедностью в глазах населения заменяется скорее на поддержку малообеспеченного, а не бедного населения и предотвращение рисков его сползания в бедность, в частности на поддержку тех, кто оказался в бедности по не зависящим от них причинам.

По-иному воспринимается массовым сознанием проблема социального неравенства. Как свидетельствуют многолетние исследования ряда специалистов¹, несмотря на все масштабные изменения, произошедшие в стране за последние 15 лет, проблема социального неравенства не потеряла своей остроты и актуальности и даже обострилась в последние годы.

Абсолютному большинству россиян существующий и постоянно растущий уровень неравенства представляется избыточным и несправедливым, ведущим, в конечном счете, страну в тупик. В подтверждение, как отмечают специалисты, россияне значительно чаще говорят о неравенстве, от которого страдает общество в целом, нежели о неравенстве, от которых страдают лично они. Таким образом, проблема социального неравенства воспринимается ими не только (и даже не столько) с точки зрения их индивидуальных обстоятельств, но и как важная «болевая точка» всего современного российского общества.

При этом россияне совсем не соответствуют расхожему клише об их стремлении «все отнять и поделить». Как свидетельствуют данные международного исследования *ISSP*, уже в 2004 г. средний показатель распространенности запроса к правительству на сокращение разрыва доходов у российских граждан практически не отличается от показателей по ФРГ или Великобритании.

В настоящее время, по данным ряда исследований, примерно 40% россиян выступают за модель общества социальной однородности, а остальные 60% хотели бы жить в обществе с достаточно глубокой степенью неравенства, но характер распределения которого был бы иным, чем в современной России, и предполагал бы не массовую малообеспеченность, а массовые средние слои.

Исходя из этого, одна из главных задач в нашем ракурсе анализа — решение проблемы достижения социального консенсуса относительно допустимого уровня и

¹ Аганбегян А. Густой навар. — *Аргументы и факты*. 2016. № 6.

сферы распространения неравенства, чтобы оно воспринималось как справедливое, в т.ч. по критерию, у кого взять, кому отдать. Без этого все рассуждения о консолидации общества, достижении национального единства, национально-государственной идентичности, формировании гражданской нации превращаются в пустой звук.

По мнению россиян, этим и должно озаботится в первую очередь (наряду с решением кризисных проблем) российское государство. Почему именно государство? Если бедность, по мнению россиян, как отмечалось выше, в большей степени «личная» проблема (за определенным исключением – «сам виноват»), то чрезмерный уровень неравенства – социальная. Оно вызвано так называемым «туннельным эффектом» – отсутствием в обществе каналов восходящей мобильности, отсутствием возможности легальным способом улучшить свое положение. Тем самым население фиксирует вполне определенное направление развития российского общества, ориентированное на укрепление положения изначально наиболее благополучных слоев и закрывающее социальные лифты для остальных групп. Например, в 2015 г. более половины россиян отмечали улучшение дел с уровнем жизни в «путинскую эпоху», но лишь 13% из их числа полагали, что оно затронуло большинство населения. Существенно больше (38%) было тех, кто считал, что благоприятной экономической конъюнктурой последних полутора десятилетий смог воспользоваться лишь узкий круг людей. Что касается других ключевых сфер жизни (возможность заниматься предпринимательством, получение образования, профессиональная самореализация, общественное и политическое участие, т.е., по сути, те каналы, которые могли бы быть использованы людьми для самостоятельного улучшения своего положения и преодоления неравенств), то здесь за последние годы, по мнению россиян, либо ничего не изменилось, либо (если улучшения и наблюдались) они затронули лишь немногих [Мареева, Тихонова 2016: 56].

Таким образом, совершенно очевидно, что социальное неравенство в России выходит далеко за рамки материального достатка и охватывает практически весь диапазон ресурсов и жизненных шансов человека, определяющих его место в социальной структуре. И если неравенство в доходах в определенных рамках россияне готовы принять, то неравенство шансов получить достойное образование или качественную медицинскую помощь – нет. Не случайно лидер партии «Справедливая Россия» С. Миронов в канун предстоящих в сентябре 2016 г. выборов в Государственную думу неоднократно заявлял, что медицина – это не сфера рыночных отношений, где богатый может получить за свои деньги все, а бедный – оставшиеся крохи.

И рядовой гражданин России, и специалисты видят решение проблемы в создании институциональных условий, создающих легитимные пути самостоятельного улучшения гражданами своего материального и социального положение и выравнивающих стартовые условия различных групп населения. Легкое решение этой проблемы не просматривается. И не только потому, что российские богатеи, как минимум, не менее эгоистичны, чем их западные собратья, но и потому, что у современного государства не много возможностей влиять на положение дел в этой сфере. В цитируемой выше работе Т. Пикетти предлагается решить проблему путем повышения налогов на доходы, состояние, капиталы. Другие специалисты сомневаются в возможности реализации подобного рода политики и полагают, что победить социальные разрывы можно только, если система неравенства, воспроизводящая себя в глобальных идеологиях и глобальных медиа, встретится с глобальной же по масштабу силой сопротивления в лице новых социальных движений [Буравой 2015: 12-13]. Как ни трудна проблема, все же рано или поздно найдется сила, утверждают специалисты, способная поме-

нять правила игры на этом поле. Автор надеется на то, что это в полной мере относится и к России.

Список литературы

- Больш Н. 2014. *Размышления о неравенстве. Анти-Руссо*. М.: ИД ВШЭ. 270 с.
- Буравой М. 2015. Социология и неравенство. – *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 5-14.
- Валлерстайн И., Коллинз, Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна). 2015. *Есть ли будущее у капитализма?: сборник статей*. М.: Изд-во Института Гайдара. 320 с.
- Возмитель А. 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России. – *Власть*. № 8. С. 5-13.
- Дитон А. 2016. *Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства* (пер. с англ. А. Гуськова). М.: Институт Гайдара. 366 с.
- Манн М. 2014. *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом* (пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова). М.: ИД ВШЭ. 203 с.
- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. 2016. Бедность и социальное неравенство в общественном сознании. – *Мир России*. № 2. С. 37-62.
- May В. 2016. Мир выходит из структурного кризиса. – *Ведомости*. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/22/625039-mir-strukturnogo-krizisa>
- Михайленок О.М. 2015. Общественно-политическое согласие и проблемы преодоления социального неравенства. – *Власть*. № 1. С. 12-16.
- Резаев А., Трегубова Н. 2015. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении... – *Журнал исследований социальной политики*. № 2. Т. 13. С. 181-194.
- Россия в новой социально-политической реальности*. Вып. 3. 2015. М.: Проспект. 218 с.
- Шкаратан О.И. 2009. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: Олма Медиа Групп. 556 с.
- Штомпка П. 2014. *Доверие – основа общества*. М.: Логос. 445 с.
- Piketty T. 2014. *Capital in the 21st Century*. № 4. 3rd edition. 685 p.

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савел'евич, *Dr.Sci.(Philos.)*, Professor of the Chair of Political Science and Political Management, Faculty of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 9, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; poigainlb@yandex.ru)

POVERTY AND INEQUALITY AS CHALLENGES TO THE NATIONAL-STATE IDENTITY AND THE FORMATION OF THE CIVIL NATION OF RUSSIA

Abstract. The article examines the impact of poverty and social inequality on the process of formation of national-state identity and civil nation of Russia, namely the formation of a sense of solidarity, of belonging, of the collective perception of «we are Russians».

The author displays the growing extent and forms of inequality both on a global and national scale, analyzes the perception of poverty and social inequality by Russians, as well as the position and possibilities of the state to regulate the level of social inequality.

Keywords: national and state identity, civic nation, social inequality, poverty, legitimacy of inequality, level of inequality